

История нашего века, переплетенная с волшебным вымыслом в трогательное, неразрывное целое.

People

Только доподлинный шедевр может обладать такой эмоциональной силой. Герой и героиня у Дорра вышли настолько интересными и симпатичными, что листаешь страницы как замороженный, до последнего надеясь на невозможный хеппи-энд. Настоятельно рекомендуется всем, кого не оставил равнодушным «Английский пациент».

Library Journal

Бывают романы, которые не просто переносят вас в другой мир, а затягивают с головой, не давая вынырнуть на поверхность, пока не перевернута последняя страница, и лишь тогда вы вспоминаете, что есть еще какой-то мир за пределами книги. «Весь невидимый нам свет» — как раз из таких романов.

Historical Novel Society

Эту книгу не просто читаешь — ты в ней живешь, у нее учишься и не на шутку горюешь, когда она заканчивается.

Booklist

Не просто роман, а доподлинное откровение.

BookReporter.com

Сюжет разворачивается со стремительностью триллера... невидимый свет умудряется пронизать даже самую безнадежную тьму.

San Francisco Chronicle

Каждое предложение здесь будто искрится, каждый абзац пронизан светом и красотой.

Washington Independent Review of Books

Тонкое, небанальное размышление о судьбе и свободе воли и о том, как маленькие поступки могут иметь громадные последствия в эпоху исторических потрясений.

New Yorker

В этой книге — так необходимое всем нам доказательство того, что наши грезы непотопляемы, что они вынесут нас к свету через самую черную ночь.

Entertainment Weekly

Ослепительно великолепный, эпического размаха роман. Энтони Дорр мастерски пишет о мифическом и самом интимном, об улитках на берегу и армиях на марше, о судьбе, любви и истории и о том невыносимо прекрасном миге, когда все это сталкивается на полном ходу.

Джекс Уолтер (автор «Великолепных руин»)

Дорр видит мир как ученый, но чувствует его как поэт. Он знает обо всем — о радио и об алмазах, о птицах и о моллюсках, о замках и о цветах, — но пишет настолько красиво и естественно, нанизывает одна на другую сцены настолько запоминающиеся, что вы никогда больше не сможете думать по-прежнему о самом главном: о любви и страхе, о жестокости и доброте, о бесчисленных гранях человеческого сердца. «Весь невидимый нам свет» — из тех уникальных книг, с которыми сперва радостно лишаешься сна и покоя, а потом закупаешь десятками и фанатично раздариваешь друзьям и знакомым.

Дж. Р. Мерингер

Дорр деликатно исследует парадоксы нашего мира, красоту законов природы и бездушное извращение их военной машиной, хрупкость и стойкость человеческого сердца и целительную силу времени.

М. Л. Стедман (автор «Света в океане»)

Энтони Дорр — талантливый и бесстрашный писатель нового поколения. Он смело поднимает самые важные вопросы человеческого бытия, приключения его героев обретают эпический размах.

Элизабет Гилберт (автор «Есть, молиться, любить»)

То, что вытворяет... Энтони Дорр, не удавалось еще почти никому. Никто еще, можно сказать, на такое не отваживался.

Дейв Эггерс

Редко встречаешь писателя, который поможет тебе увидеть мир по-новому. А Дорр делает это на каждой странице!

The Boston Globe

Проза Дорра завораживает, в его выразительных фразах сочетаются зоркость натуралиста и поэтическая образность.

The New York Times Book Review

Всезнающий и всевидящий — как Д. Г. Лоуренс, Толстой, Пинчон, Делилло — Дорр безошибочно подмечает и узор на крыльях бабочки, и мельчайшие частицы материи во Вселенной, но при этом не обходит стороной неразрешимые вечные вопросы.

The Philadelphia Inquirer

Дорр создает мистическую атмосферу твердым, рассудительным и изящным слогом. После того как вы прочтете книгу, ее персонажи еще долго будут являться вам во сне.

Venue

Благодаря безупречной классической манере изложения чудеса у Дорра кажутся естественными. Впечатляюще!

Sunday Times

В его историях отражается и чудо, и ледяное равнодушие природы; Дорр — великолепный рассказчик.

Outside

При чтении Дорра в нас пробуждается то восторженное чувство, которое мы испытываем лишь от сильной любви к близкому человеку или предмету наших занятий.

TLS

Дорр выступает здесь как свидетель истории — не той истории, что повествует о масштабных событиях и великих людях, а той, что высвечивает безмянные уголки, из которых и вырастают лучшие

рассказы. Это как раз тот редкий случай, когда писатель, не поддаваясь на банальные соблазны, выстраивает незаурядную, сильную и внятную музыку прозы.

Колум Маккэнн

Дорр — выдающийся стилист. Путешествия его героев по миру внешнему и миру внутреннему одинаково завораживают читателя.

Guardian

Проза Дорра завораживает, в его выразительных фразах сочетается зоркость натуралиста и поэтическая образность.

The New York Times Book Review

Еще в 2015 году стало известно, что студия *Fox Searchlight* приобрела права на экранизацию этого романа, получившего Пулицеровскую премию. Продюсировать картину должен был Скотт Рудин («Шоу Трумана», «Нефть», «Социальная сеть»). События книги, включенной в список бестселлеров *The New York Times*, разворачиваются во время Второй мировой во Франции и Германии. Главные герои истории — слепая французская девочка и мальчик-немец, пытающиеся выжить в мире, охваченном пожаром войны. Вероятно, из-за продажи компании корпорации *Disney* полнометражный фильм так и не сняли. В итоге в 2019-м права перешли обратно владельцу, а затем их купил стриминговый сервис *Netflix*. Правда, на этот раз роман предстанет перед зрителями в виде мини-сериала.

Filmpro

Из разрозненных сцен и обрывков детских воспоминаний Дорр создал целый мир в декорациях оккупированной Франции. Он показал войну, какой ее застали дети в бретонском городке Сен-Мало. Дорр разглядел в этой истории детскую правду войны, которая зависит от слов взрослых, от поступков учителей, от звука радио.

Огонек

В отличие от суперпопулярного в наших краях Паланика, Дорр не увлечен фриками и маргиналами; его герои если и аутсайдеры, то вполне приземленного, стейнбековского толка. Повествование

неторопливое — в Айдахо, как известно, спешить некуда, — без излишней метафизики и столь раздражающего во многих коллегах Дорра надрывного пафоса. Собственно, это возвращение к исходной позиции: роман — повествование о чем-то бывалом, хотя, возможно, и вовсе небывалом, но достойном места в реальности. Эта американская «былинность» и привлекает к Дорру не только членов Пулицеровского комитета, но и обычных читателей. В конце концов, в наше время, когда новости по телевизору все чаще напоминают какой-то дурной сон, как-то хочется сурового старомодного реализма хотя бы в искусстве. Даже если реализм этот, как у Дорра, призрачен и обманчив, как охотничья байка у костра.

Playboy

От этого романа очень трудно оторваться, хотя на его страницах много страшных описаний, а смерть обыденна, как и все те вещи, которые в обычное время вызывают отвращение и прячутся глубоко внутри человеческой природы. Но роман не об этом. Он о вечности и о том, что движет человеком, о том, как страна и ее жители постепенно и бесповоротно катятся в ад, не понимая этого и считая этот ад спасением. О том, как человек превращается в животное, чтобы выжить, понимая, что назвать подобное существование жизнью нельзя. Но это понимание приходит слишком поздно, когда единственным спасением остается смерть. Это роман о надежде на лучшее будущее. О вере и чести, о желании что-то изменить даже ценой собственной жизни, об удивительном времени, когда человеческие судьбы переплетались в самые неожиданные узоры и выстраивались или обрывались ради продолжения чьей-то жизни...

Читаем вместе

Завораживающий роман, который покориł Штаты и Европу и получил Пулицеровскую премию. Удивительный и вместе с тем трагический роман-пазл полон запахов, звуков, деталей. Дорр пишет коротко и очень образно. В чередовании коротких глав о жизни двух детей войны на переднем плане ключи, башенки, улитки, пение птиц и «Двадцать тысяч лье под водой», а за ними неявно и оттого так пугающе проступает вся мощь нацистской машины и сила духа, которая тверже «проклятого алмаза».

Ваш досуг

«Весь невидимый нам свет» Энтони Дорра — книга о самом главном. О любви и страхе, о жестокости и доброте, о бесчисленных гранях человеческого сердца. Реальность и мистика здесь переплетаются настолько виртуозно, что вы не всегда сможете отличить одно от другого. Милые, трогательные, незабываемые истории нанизываются одна на другую, как драгоценные жемчужины. Готовьтесь смеяться, плакать, сопереживать и потом фанатично советовать всем друзьям и знакомым.

Домашний очаг

«Весь невидимый нам свет» — очередной роман о Второй мировой войне; прелесть его в том, что на самом деле он о мире. Все дело в точно выбранном жанре: это приключенческий роман и ода тому научно-популярному жюль-верновскому миру приключений, который на протяжении двадцатого века был для всей Европы синонимом счастливого детства.

Природа любого приключенческого романа подразумевает как противовес подвигам и опасностям существование прочного и нормального быта: камелька, возле которого отважные путешественники в эпилоге вспоминают свои похождения; надежных стен детской, покрытых обоями в цветочек, в которых малолетний читатель грезит о пиратах и сражениях. Этот непреложный закон жанра позволяет Дорру обойтись без шоковой терапии, которой чревато любое изображение Второй мировой (особенно глазами немецкого солдата), при этом не впадая, насколько это возможно, в шоколадные слюни.

{...}

Для того чтобы как-то гуманистически осмыслить катастрофу и, скажем, не превращать День Победы в непристойный карнавал... декоративных георгиевских ленточек, а помнить его как день траура, материальная культура и непрерывная ткань жизни очень важны. Нужна какая-то точка опоры, представление о норме, чтобы осознать катастрофу как аномалию и хоть как-то отремонтировать жизнь после, — эта точка опоры обычно находится где-то в быту, в семье, дома, среди обоев в цветочек. В простодушном мире приключений непрменный сундук мертвеца, Святой Грааль или проклятый бриллиант олицетворяют собой ту же преемственность в исторических масштабах: к ним нужно прикоснуться, чтобы в конце концов сесть дома все у того же камелька.

Афиша

Очень простым и легким языком Энтони Дорр рассказывает о шестнадцатилетней незрячей девочке Мари-Лоре и мальчишке из немецкого приюта — Вернере. Их встреча происходит на фоне войны в маленьком приморском французском городке Сен-Мало. Каждый из них пытается выжить во время войны, выжить так, как умеет. Дорр создает точные образы, которые невозможно выкинуть из головы: четко видишь серое небо с длинными нитями дождя, колючую проволоку, дымящиеся дома, брошенное оружие и неотмеченные могилы. В книге сплетаются вымысел и история, ужасы войны и детский страх, жестокость и, конечно, любовь.

Деловой Петербург

Это книга в первую очередь про сплетение разрозненных человеческих историй, отдельные точки которых, так уж получилось, выпали на то время, когда мировой аппендицит загноился фашизмом. Рассказ о таких мелких на фоне прогорающего войной мира судьбах выстроен как лоскутное одеяло: снег, радиоволны, выстрелы в амбаре, ракушки, плеск океана, двести тридцать шесть шагов и шесть сточных канав до булочной.

Весь роман поражает какой-то байеттовской глубиной и неторопливостью: подробным перечислением ракушек и прочих морских моллюсков, выстроенными на подоконнике по ранжиру шишками, долгим, почти осязаемым течением пальцев по Брайлю, шипением омлета на сковородке, изобретением передатчика, ржавым стуком ключа в железной дверце, за которой — только соль, океан и улитки, звоном в ушах и чтением вслух под бомбами «Двадцати тысяч лье под водой».

Это не самый берущий за генетическую память роман о войне как таковой, потому что ее непосредственные ужасы похожи на вспышку справа — мелькнут страничкой и растворятся в обездвиженности оккупированного Сен-Мало, в стуке трости Мари-Лоры и ненаписанных письмах к Ютте, в консервированных бобах и наполненной напоследок ванне. Это сюжетные портреты на фоне военного пейзажа, когда пустые окна и пустые желудки сливаются в серую грунтовку, которая делает только заметнее отдельные проявления невоенной, почти нормальной жизни: книги, ветер, весну и весь тот свет, которого мы не видим.

Анастасия Завозова

«Весь невидимый нам свет» американца Энтони Дорра одинаково нравится и высоколобым критикам *The New York Times*, и простым покупателям, за неполный год расхватавшим более миллиона его экземпляров. Редкий пример универсального бестселлера — хорошего романа с колоссальным рыночным потенциалом.

Галина Юзефович

*Посвящается Венди Вейль
1940–2012*

В августе 1944 года древняя крепость Сен-Мало, ярчайшая драгоценность Изумрудного берега Бретани, была почти полностью уничтожена огнем... Из 865 зданий остались лишь 182, да и те были в той или иной степени повреждены.

Филип Бек

□

7 августа
1944 г.

Листовки

Под вечер они сыплются с неба, как снег. Летят над крепостными стенами, кувыркаются над крышами, кружат в узких улочках. Ветер метет их по мостовой, белые на фоне серых камней. «Срочное обращение к жителям! — говорится в них. — Немедленно выходите на открытую местность!»

Идет прилив. В небе висит ущербная луна, маленькая и желтая. На крышах приморских гостиниц к востоку от города американские артиллеристы вставляют в дула минометов зажигающие снаряды.

Бомбардировщики

Они летят через Ла-Манш в полночь. Их двенадцать, и они названы в честь песен: «Звездная пыль», «Дождливая погода», «В настроении» и «Крошка с пистолетом»¹. Внизу поблескивает море, испещренное бесчисленными шевронами барашков. Скоро штурманы уже видят на горизонте низкие, озаренные луной очертания островов.

Франция.

Хрипит внутренняя связь. Осторожно, почти лениво, бомбардировщики сбрасывают высоту. От пунктов ПВО на побережье тянутся вверх ниточки алого света. Внизу видны остовы кораблей; у одного взрывом полностью снесло нос, другой еще догорает, слабо мерцая в темноте. На том острове, что дальше всех от берега, между камнями мечутся перепуганные овцы.

В каждом самолете бомбардир смотрит в люк прицела и считает до двадцати. Четыре, пять, шесть, семь. Крепость на гранитном мысу все ближе. В глазах бомбардиров она похожа на большой зуб — черный и опасный. Последний нарыв, который предстоит вскрыть.

¹ *Stardust* — песня, написанная Хоуги Кармайклом в 1927 г., исполнялась почти всеми великими джазовыми исполнителями. *Stormy Weather* — песня Гарольда Арлена и Теда Келера, написанная в 1933 г. *In the Mood* — песня Джо Гарленда, ставшая хитом Гленна Миллера. *Pistol-Packin' Mama* — песня, написанная Алом Декстером в 1943 г.; в 1944-м ее записали Бинг Кросби и сестры Эндрюс. (Здесь и далее прим. перев.)

Девушка

В узком и высоком доме номер четыре по улице Воборель на последнем, шестом этаже шестнадцатилетняя незрячая Мари-Лора Леблан стоит на коленях перед низким столом. Всю поверхность стола занимает макет — миниатюрное подобие города, в котором она стоит на коленях, сотни домов, магазинов, гостиниц. Вот собор с ажурным шпилем, вот шато Сен-Мало, ряды приморских пансионатов, утыканных печными трубами. От Пляж-дю-Моль тянутся тоненькие деревянные пролеты пирса, рыбный рынок накрыт решетчатым сводом, крохотные скверики уставлены скамейками; самые маленькие из них не больше яблочного семечка.

Мари-Лора проводит кончиками пальцев по сантиметровому парапету укреплений, очерчивая неправильную звезду крепостных стен — периметр макета. Находит проемы, из которых на море смотрят четыре церемониальные пушки. «Голландский бастион, — шепчет она, спускаясь пальцами по крошечной лесенке. — Рю-де-Кордьер. Рю-Жак-Картье».

В углу комнаты стоят два оцинкованных ведра, по края наполненные водой. Наливай их при любой возможности, учил ее дедушка. И ванну на третьем этаже тоже. Никогда не знаешь, надолго ли дали воду.

Она возвращается к шпилю собора, оттуда на юг, к Динанским воротам. Весь вечер Мари-Лора ходит пальцами по макету. Она ждет двоюродного дедушку Этьена, хозяина дома. Этьен ушел вчера ночью, пока она спала, и не вернулся. А теперь снова ночь, часовая стрелка описала еще круг, весь квартал тих, и Мари-Лора не может уснуть.

Она слышит бомбардировщики за три мили. Нарастающий звук, как помехи в радиоприемнике. Или гул в морской раковине.

Мари-Лора открывает окно спальни, и рев моторов становится громче. В остальном ночь пугающе тиха: ни машин, ни голосов, ни шагов по мостовой. Ни воя воздушной тревоги. Даже чаек не слышно. Только за квартал отсюда, шестью этажами ниже, бьет о городскую стену прилив.

И еще один звук, совсем близко.

Какое-то шуршанье. Мари-Лора шире открывает левую створку окна и проводит рукой по правой. К переплету прилип бумажный листок.

Мари-Лора подносит его к носу. Пахнет свежей типографской краской и, может быть, керосином. Бумага жесткая — она недолго пробыла в сыром воздухе.

Девушка стоит у окна без туфель, в одних чулках. Позади нее спальня: на комод разложены раковины, вдоль плинтуса — окатанные морские камешки. Трость в углу; большая брайлевская книга, раскрытая и перевернутая корешком вверх, ждет на кровати. Гул самолетов нарастает.

Юноша

В пяти кварталах к северу белобрысый восемнадцатилетний солдат немецкой армии Вернер Пфенниг просыпается от тихого дробного гула. Даже скорее жужжания — как будто где-то далеко бьются о стекло мухи.

Где он? Приторный, чуть химический запах оружейной смазки, аромат свежей стружки от новеньких снаряжных ящичков, нафталиновый душок старого покрывала — он в гостинице. *L'hôtel des Abeilles* — «Пчелиный дом».

Еще ночь. До утра далеко.

В стороне моря свистит и грохает — работает зенитная артиллерия.

Капрал ПВО бежит по коридору к лестнице. «В подвал!» — кричит он. Вернер включает фонарь, убирает одеяло в вещмешок и выскакивает в коридор.

Не так давно «Пчелиный дом» был приветливым и уютным: яркие синие ставни на фасаде, устрицы на льду в ресторане, за барной стойкой официанты-бретонцы в галстуках-бабочках протирают бокалы. Двадцать один номер (все с видом на море), в вестибюле — камин размером с грузовик. Здесь пили аперитивы приехавшие на выходные парижане, а до них — редкие эмиссары республики, министры, заместители министров, аббаты и адмиралы, а еще столетиями раньше — обветренные корсары: убийцы, грабители, морские разбойники.

А еще раньше, до того как здесь открыли гостиницу, пять веков назад, в доме жил богатый капер, который бросил морской разбой и занялся изучением пчел в окрестностях Сен-Мало; он записывал наблюдения в книжечку и ел мед прямо из сот. Над

парадной дверью до сих пор сохранился дубовый барельеф со шмелями; замшелый фонтан во дворе сделан в форме улья. Вернеру больше всего нравятся пять потускневших фресок на потолке самого большого номера верхнего этажа. На голубом фоне раскинули прозрачные крылышки пчелы размером с ребенка — ленивые трутни и пчелы-работницы, — а над шестиугольной ванной свернулась трехметровая царица с фасетчатыми глазами и золотистым пушком на брюшке.

За последние четыре недели гостиница преобразилась в крепость. Отряд австрийских зенитчиков заколотил все окна, перевернул все кровати. Вход укрепили, лестницы заставили снарядами ящиками. На четвертом этаже, где из зимнего сада с французскими балконами открывается вид на крепостную стену, поселилась дряхлая зенитная пушка по имени «Восемь-восемь»¹, стреляющая девятикилограммовыми снарядами на пятнадцать километров.

«Ее величество», называют австрийцы свою пушку. Последнюю неделю они ухаживали за нею, как пчелы — за царицей: заправили ее маслом, смазали механизм, покрасили ствол, разложили перед ней мешки с песком, словно приношения.

Царственная «ахт-ахт», смертоносная монархиня, должна защитить их всех.

Вернер на лестнице, между цоколем и первым этажом, когда «Восемь-восемь» делает два выстрела подряд. Он еще не слышал ее с такого близкого расстояния; звук такой, будто пол-отеля снесло взрывом. Вернер оступает, зажимает уши. Стены дрожат. Вибрация прокатывает сперва сверху вниз, затем — снизу вверх.

Слышно, как двумя этажами выше австрийцы перезаряжают пушку. Свист обоих снарядов постепенно затихает — они уже километрах в трех над океаном. Один солдат поет. Или не один. Может, они все поют. Восемь бойцов люфтваффе, из которых через час никого не останется в живых, поют любовную песню своей царице.

¹ 8,8-см-FlaK, известное также как «Восемь-восемь» (нем. «ахт-ахт»/Acht-acht) — германское 88-миллиметровое зенитное орудие, находившееся на вооружении в 1928–1945 гг.

Вернер бежит через вестибюль, светя под ноги фонарем. Зенитка грохает в третий раз, где-то близко со звоном разбивается окно, сажа сыплется в каминной трубе, стены гудят, как колокол. У Вернера такое чувство, что от этого звука у него вылетят зубы.

Он открывает дверь в подвал и замирает на миг. Перед глазами плывет.

— Это оно? — спрашивает он. — Они правда наступают?
Однако ответить некому.

Сен-Мало

В домах вдоль улиц просыпаются последние неэвакуированные жители, постанывают, вздыхают. Старые девы, проститутки, мужчины старше шестидесяти лет. Копуши, коллаборационисты, скептики, пьяницы. Монахини самых разных орденов. Бедняки. Упрямы. Слепые.

Некоторые спешат в бомбоубежища. Другие говорят себе, что это учебная тревога. Кто-то мешкает, чтобы забрать одеяло, молитвенник или колоду карт.

День «Д» был два месяца назад. Шербур освобожден. Кан освобожден, Ренн тоже. Половина Западной Франции освобождена. На востоке советские войска отбили Минск, в Варшаве подняла восстание польская Армия Крайова. Некоторые газеты, осмелев, предполагают, что в ходе войны наступил перелом.

Однако никто не говорит такого здесь, в последней цитадели Германии на бретонском побережье.

Здесь, шепчутся местные, немцы расчистили двухкилометровые катакомбы под средневековыми стенами, проложили новые тоннели, выстроили подземный оборонительный комплекс невиданной мощи. Под полуостровным фортом Сите через реку от Старого города одни помещения целиком заполнены снарядами, другие бинтами. Говорят, там есть даже подземный госпиталь, где предусмотрено все: вентиляция, двухсоттысячелитровая цистерна воды и прямая телефонная связь с Берлином. На подступах установлены мины-ловушки и доты с перископами; боеприпасов хватит, чтобы обстреливать море день за днем в течение года.

Говорят, там тысяча немцев, готовых умереть, но не сдаться. Или пять тысяч. А может, и больше.

Сен-Мало. Вода окружает город с четырех сторон. Связь с Францией — дамба, мост, песчаная коса. Мы малуэны в первую очередь, говорят местные. Во вторую — бретонцы. И уже в последнюю — французы.

В грозовые ночи гранит светится голубым. В самый высокий прилив море затапливает подвалы домов в центре города. В самый низкий отлив из моря выступают обросшие ракушками остовы тысяч погибших кораблей.

За три тысячелетия полуостров видел много осад.

Но такой — ни разу.

Бабушка берет на руки расшумевшегося годовалого внука. В километре от нее, в проулке неподалеку от церкви Сен-Серван, пьяный мочится на ограду и замечает листовку. В листовке написано: «Срочное обращение к жителям! Немедленно выходите на открытую местность!»

С внешних островов бьет зенитная артиллерия, большие немецкие орудия в Старом городе дают очередной залп, а триста восемьдесят французов, запертые в островной крепости Форт-Националь, смотрят в небо из залитого лунным светом двора.

После четырех лет оккупации, что несет им рев бомбардировщиков? Освобождение? Гибель?

Треск пулеметных очередей. Барабанные раскаты зениток. Десятки голубей срываются со шпиля собора и кружат над морем.

Оглавление

0. 7 августа 1944 г.	15
1. 1934 г.	31
2. 8 августа 1944 г.	105
3. Июнь 1940 г.	117
4. 8 августа 1944 г.	211
5. Январь 1941 г.	227
6. 8 августа 1944 г.	313
7. Август 1942 г.	327
8. 9 августа 1944 г.	383
9. Май 1944 г.	403
10. 12 августа 1944 г.	449
11. 1945 г.	491
12. 1974 г.	501
13. 2014 г.	533
Благодарности.	539